

Вет. Москва - 1999 - 15 февр. - с. 6

Романс о влюбленных:

не вышло с Кончаловским, получилось с Захаровым

Нателла СВЕТЛИКОВА

Елена Юрьевна, это правда, что, когда вы только пришли в «Ленком», Марк Анатольевич Захаров вам пообещал, что звание народной артистки вы получите, сыграв роль Медеи?

— Это была шутка. В тяжелые минуты, когда я жаловалась, что нет ролей, что пауза между спектаклями затянулась, Марк Анатольевич мне говорил: «Ничего, ничего, все будет хорошо. Еще Медею сыграете и народную получите». Роль Медеи была для него олицетворением народности и помпезности, до которых я так и не дотянула.

— Народную вы и без Медеи получили, а как насчет собственно Медеи? Обещанного, как известно, три года ждут, а прошло...

— Я не настроилась на эту роль... А если серьезно, сложный вопрос. Никогда неизвестно в актерской судьбе: что принесет успех, что пройдет мимо зрительских глаз. Ты думаешь: вот сейчас я сыграю эту роль, и все будет говорить! А все проходит тихо и незаметно. А бывает и по-другому. Например, репетировали с Колей Караченцовым «Юнону» и «Авось». Как сейчас помню, сидим, кофе пьем, и он мне говорит: «Кончита — это, конечно, не роль...». И я с ним соглашаюсь: «Конечно. Прибежала, убежала, песенку спела...». А получилось, что в первую очередь знают меня по Кончите...

— ...которая стала не только вашей визитной карточкой, но и театра «Ленком». И для меня загадка: почему вы так мало играете у Захарова?

— Я не из театральной среды, не из театральной семьи. Я человек из публики — имела мечту, которая воплотилась в реальность. В 1974 году была приглашена в «Ленком» на амплуа «молодой героини». Я сыграла 13 главных ролей молодых героинь за 21 год работы в театре. По-моему, это очень большой срок. И поэтому совершенно естественно через 21 год наступила пауза...

— Уж не на пенсию ли вы собрались?

— Нет, мне просто хочется играть взрослых, умных женщин. Пора уметь и переходить к прекрасному периоду в жизни каждой женщины, когда она еще многое может и в то же время над многим может посмеяться, над многим возвыситься, во многом может быть умнее обстоятельств. Мне нравится этот период. И заявила я о нем впервые не у Захарова. Сначала это был «Человеческий голос» в «Карманном театре» Жана Кокто у режиссера Петра Штейна. Второй заявкой уже после рождения ребенка была работа в антрепризе Романа Козака с Аллой Сигаловой, Павлом Каплевичем и чудесными партнерами Ларисой Кузнецовой, Валерой Гаркалиним, Александром Балуевым и Максимом Сухановым. Спектакль назывался «Банан» по пьесе Мрожека «Вдовы». Затем продюсерская компания Воронцова вложила деньги в спектакль «Нина» по пьесе Андре Руссена. В этой постановке Олега Фомина я играю с очаровательными актерами, почти детьми по своему темпераменту и непосредственности — Дмитрием Харатьяном и Сергеем Никоненко. Сергей в первый, а Дмитрий во второй раз вышли на драматическую сцену и поняли, что прожили жизнь зря. Оказывается, для актера самая большая радость — выходить на сцену.

— Но ведь и в родном «Ленкоме» вы играете «взрослую» женщину — Наталью Петровну из «Месяца в деревне», которая в вашем исполнении предстала некоей женщиной-вамп...

— Я не могу с вами согласиться. В ней много детского, наивного, инфантильного. Но в то же время она делает попытку взрослеть. Это она думает, что она женщина-вамп, а на самом деле она беззащитна и несчастна, потому что только хочет, но мало что может. Она мечтает о студенте, но не отпускает и влюбленного в нее мужчину. При этом любит своего мужа. Я почувствовала в

этом образе «комплекс дочки», у которой каждый последующий мужчина переходит в разряд отца.

— А вам в жизни приходилось выступать в роли Натальи Петровны?

— Нет. Я, кстати, больше мужчин видела с таким характером, чем женщин. Вам, наверное, тоже встречались мужчины, которые никого не хотят терять, ни с кем расставаться...

— Многие критики назвали этот спектакль эротическим.

— Это чувственный спектакль о несбывшихся надеждах. Мы все переполнены желаниями. Мы все чего-то хотим. Хотим любви, хотим, чтобы нас любили, хотя сами не очень умеем это делать.

Темпераментная Кончита Елена Шанина не желает быть унылой Крупской

Михаил ГИТТЕРМАН

Нам важно было исследовать природу желаний, снов, которые очень часто связаны с детством. А слово «эротический», на мой взгляд, ограничивает фантазию. Я рада, что мы создали атмосферу влюбленности, которая передается в зал. Все ведь зависит от того, насколько сложно человек мыслит. Есть люди, которые во всем ЭТО видят. Эротика на сцене, на мой взгляд, вещь совершенно не зависящая от того, насколько документально она присутствует. Иногда скользкая по стеклу рука гораздо чувственнее, чем буквальное воспроизведение каких-то «подробностей»...

— Почему мы вас так и не увидели в роли Графини в «Безумном дне, или Женитьбе Фигаро»?

— То, что Графиня — женщина в возрасте — очень относительно. Это я была в возрасте, когда ее репетировала. Поэтому и не вернулась в эту роль. На самом деле я была неким аппендиксом от первоначальной идеи, когда Графа репетировал Абдулов, Мать — Струнова и т. д. Они все отселились, а я задержалась между поколениями. И несмотря на то, что Захаров крайне положительно относился к моим репетициям, чувствовала себя, как учительница в классе, которая заменяет заболевшего коллегу, — настолько все вокруг были молодыми. Но потом в театре случился пожар, премьеру отложили до следующего сезона. Я ждала ребенка и выбрала роль матери, потому что было пора и очень хотелось.

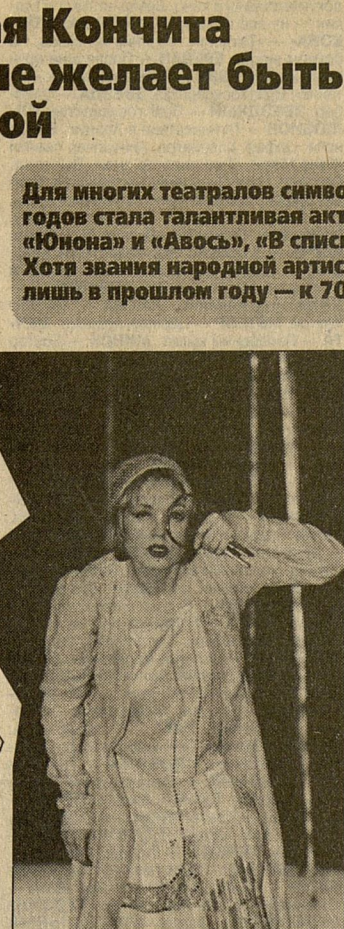
— Насколько я знаю, ваша мама хотела видеть вас писательницей. А кем вы видите свою дочь в будущем?

— Я была увлечена литературой не только в рамках школьной программы, очень много читала, пыталась писать стихи, рассказы, даже пьесы в детстве

сочинила. Я очень любила литературу, но... всегда мечтала быть актрисой. Меня еще в яслях называли артисткой. Поэтому для меня как для Козерога звездами была поставлена цель, и я упорно иду к этой цели до сих пор.

А мама моя очень расстроилась. Она знала, что меня никто не поддержит, что профессия страшно зависима, и уговаривала меня, как могла: «Ты же умная девочка, хорошо учишься, иди на литературный». На самом деле в дни моей молодости единственным вузом, где царил дух правды, демократизма, диссидентства даже, был театральный.

— Но ведь и играть приходилось разные роли...

Елена Шанина в роли Натальи Петровны в спектакле «Две женщины»

— Все-таки в театре всегда держали фигу в кармане. В театре можно было с такой интонацией сыграть, что умному человеку все было понятно. И театр, может быть, оставался единственным очагом культуры, где цензура иногда закрывала глаза на эзопов язык, потому что театр, где в зале 800 человек, — это не массовое искусство.

— Скажите, а сегодня вы не жалеете, что когда-то уехали из родного Ленинграда, оставили театр «Ленсовета», которым руководил Игорь Владимиров, а в труппе работали такие звезды, как Фрейндлих, Равикович, Солоницын, Петренко, Боярский?

— Да, компания была прекрасная, и курс у нас был совершенно очаровательный, талантливый, яркий... Но в то время театр уже прошел свой пик, и я понимала, что к нам очень долго будут относиться как к студентам. А мне хотелось независимости, мне хотелось работать. И прежде чем пойти в «Ленком», я чуть не подписала контракт с Петрозаводским театром. Мне предложили там сразу семь главных ролей, и я решила, что должна пройти через титанический труд, стать АКТРИСОЙ, а потом вернуться в Ленинград, хотя Владимирова изначально оставлял меня в Питере. Такая у меня козерожья натура: создавать трудности, чтобы их с воодушевлением преодолевать.

Судьба распорядилась иначе. Меня пробовали на фильм «Романс о влюбленных» Кончаловского. Но тут Кончаловский встретил Лену Кореневу, в которую совершенно невозможно было не влюбиться, и утвердил ее на главную роль. Но творческая группа фильма сохранила ко мне симпатию. Александр Збруев, который тоже снимался в «Романсе о влюбленных», представил меня Захарову. Марк Анатольевич, пообщавшись со мной, сказал: «Я чувствую, что вы человек нервный, актриса, наверное, хорошая. Где вас можно посмотреть?». Я играла Ларису в дипломном спектакле «Бесприданница» — и решила, что это очередной миф. Как вдруг из Москвы раздается телефонный звонок: «Когда у вас спектакль?» — «Последний седьмого...». Я на всю жизнь запомнила это число. Приехали Захаров, завтруппой Заславский, завлит Махаев. После спектакля сказали, что меня берут... А еще через несколько дней выяснилось, что мне надо срочно вводится в премьерный спектакль «Тиль» на роль Неле вместо уехавшей на съемки Инны Михайловны Чуриковой. Так, не получив диплома, я за 5 минут до отхода влетела в поезд и оказалась в Москве.

— Елена Юрьевна, за 4 дня, что вам дал Захаров, войти в готовый спектакль, реально ли это?

Для многих театралов символом театра «Ленком» 70–80-х годов стала талантливая актриса Елена Шанина. «Тиль», «Юнона» и «Авось», «В списках не значился...». Хотя звания народной артистки России она была удостоена лишь в прошлом году — к 70-летию «Ленкома».

— Реально. У меня была хорошая школа. Поэтому к такому короткому сроку я отнеслась совершенно спокойно и, как сейчас понимаю, сделала все очень лихо. Захаров мне сказал: «Если у вас даже не будет получаться, мы вас все равно берем». Но я понимала, что, если я не сыграю эту роль хотя бы достойно, то мне придется все начинать сначала.

— И все же: вам не бывает обидно от того, что вы иногда простаиваете в театре?

— У Захарова никогда не было такой позиции: «Я должен». Он дает шанс, но он никогда ни на кого не работал, никогда не строил репертуар на конкретных актерах при всей любви к ним. Он ищет идею и воплощает ее. Если ты попадаешь в эту идею, прекрасно — ты попадаешь в премьеру. Но можешь и не попасть — и год, и два... Печальный факт, но многие замечательные актеры нашего театра — и Леонов, и Бронева, и Абдулов, и Караченцов, и Збруев — по 5, по 7, по 9 лет не имели ролей в новых спектаклях. Зато если они получали эту роль, это всегда было событие. Но вообще говоря, никто не простаивает. Актера «Ленкома» всегда приглашают, у него всегда будет работа и в антрепризе, и на телевидении, и в кино...

— Но в кино вас тоже немного...

— Я просто не попала в конъюнктуру. Когда была молодая, меня пробовали на все роли, ко мне очень хорошо относились многие режиссеры. Но снялась только в «Аты-баты, шли солдаты» у Леонида Быкова.

— А сейчас?

— Сейчас кинематографа нет. Раньше меня не снимали из-за «западного типа лица» (такая формулировка звучала на худсовете на «Мосфильме»), а теперь у нас снимают западных актрис. Да и молодость ушла... Не могу сказать, что очень рвусь в кинематограф. Но бывает обидно, когда мне предлагают странный, на мой взгляд, материал. Три года назад в четвертый раз за мою жизнь мне предложили роль Надежды Константиновны Крупской. Почему? Правильно, наверное, говорят: «Не шутки, шутка может стать судьбой». В шутку на уроке грима в институте я сделала портрет Крупской, причем весьма пожилой. Это всех очень развеселило, мне поставили... шестерку. И теперь Крупская преследует меня всю мою жизнь. Я, конечно, отказываюсь, потому что не готова о подобных представителях нашей истории говорить как о людях.

— На ваш взгляд, умная актриса — это плюс или минус? Вы ведь умная женщина.

— Ужасно, если я произвожу такое впечатление. Женщина может выглядеть умной оттого, что полная дура... Я стараюсь глупить, но заносит иногда, извините.

15.2.99.

Шанина Елена